

К вопросу об экспертных понятиях в судебной лингвистической экспертизе

 В.О. Кузнецов^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Россия

Аннотация. Рассмотрена проблема использования в судебной лингвистической экспертизе дискуссионной категории «экспертные понятия». Проблема связана с вопросами соотношения лингвистических понятий и юридических терминов, обозначающих так называемые речевые преступления, и использования правовых понятий в формулировках экспертных задач и выводов эксперта. Исходя из понимания категории «экспертные понятия» общей теории судебной экспертизы и положений теории экспертных понятий судебной психологической экспертизы, согласно которой экспертные понятия занимают промежуточное положение между правовыми понятиями и понятиями базовых наук, предпринята попытка теоретического осмысления категории «экспертные понятия» применительно к судебной лингвистической экспертизе. Показан алгоритм выработки судебно-лингвистических экспертных понятий в зависимости от формулировки правовой нормы на примерах из экспертной практики.

Ключевые слова: *судебная лингвистическая экспертиза, правовые понятия, лингвистические понятия, экспертные понятия, судебная экспертология*

Для цитирования: Кузнецов В.О. К вопросу об экспертных понятиях в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Том 15. № 1. С. 29–41.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-29-41>

On the Issue of Expert Terms in Forensic Linguistics

 Vitaly O. Kuznetsov^{1,2}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² People's Friendship University of Russia, Moscow 117198, Russia

Abstract. The article addresses the problem of using a deliberative category of “expert terms” in forensic linguistics. The issue is related to the questions of the relations between the linguistic and legal terms standing for so-called speech offenses and the use of legal concepts when wording expert tasks and conclusions. Basing on the understanding of the concept “expert terms” of the general theory of forensic science and the provisions of the theory of expert terms of forensic psychology under which the expert terms hold the position between legal and basic sciences’ concepts, an attempt is made to contemplate theoretically the category of “expert terms” as applied to the forensic linguistics. The article also shows the algorithm for developing forensic linguistic terms depending on the wording of a legal provision on examples from expert practice.

Keywords: *forensic linguistics, legal concepts, linguistic concepts, expert concepts, forensic expertology*

For citation: Kuznetsov V.O. On the Issue of Expert Terms in Forensic Linguistics. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 29–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-29-41>

Введение

Экспертная задача – одна из ключевых категорий в теории судебной экспертизы. От характера экспертных задач, их формулировок зависят экспертные выводы, которые влияют на использование заключения эксперта в процессе доказывания.

Судебная лингвистическая экспертиза относится к роду экспертиз, где проблема экспертных задач особенно актуальна. В то же время эта проблема достаточно дискуссионна в экспертном сообществе, что объясняется относительной молодостью и недостаточной методической разработанностью данной судебной экспертизы. Такая неразработанность, на наш взгляд, связана с уникальностью судебной лингвистической экспертизы. Отличается она и от авторо-ведческой экспертизы и экспертизы видео-и звукозаписей (фоноскопической экспертизы), где объектом также является речь и продукты речевой деятельности. Указанные экспертизы являются криминалистическими и решают наряду с традиционными криминалистическими задачами – идентификацией личности по речи, диагностикой условий речепроизводства, задачи классификационные, направленные на сужение круга подозреваемых. Перечисленные задачи не зависят от категории уголовного, гражданского, арбитражного или административного дела. Судебная лингвистическая экспертиза, напротив, большей частью напрямую связана с категориями дел и решает специфические задачи, определяемые конкретной категорией дела. Например, характер задач лингвистической экспертизы по делам об оскорблении существенно отличается от характера задач по делам о клевете, что вызвано различием составов данных преступлений, прежде всего объективной их стороны.

Зависимость лингвистической экспертизы от категорий дел находит отражение и в методиках и методических рекомендациях, разработанных в государственных судебно-экспертных учреждениях разных ведомств и частнопрактикующими экспертами. Анализ указанных методических продуктов показал, что в них предложены разные экспертные задачи по одной и той же категории дел, что не отвечает требованиям ст. 11 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», предполагающей осуществление деятельности государ-

ственных судебно-экспертных учреждений одного и того же профиля по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике. В экспертном сообществе также имеются различия в представлениях о пределах компетенции эксперта-лингвиста, соотношении правового и лингвистического наполнения юридических терминов, обозначающих нормы права, связанные с так называемыми речевыми преступлениями и правонарушениями. Как отмечает Е.И. Галяшина, эксперты нередко оказываются перед сложной проблемой отличия лингвистической трактовки речевого нарушения от правовой квалификации объективной стороны речевого деяния как состава правонарушения [1, с. 186].

Обзор литературы

Проблема соотношения правовой и лингвистической составляющей юридических понятий и использования этих понятий экспертами-лингвистами стоит в судебной лингвистике уже давно. Так, в изданиях Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) предпринимались попытки осмысления этих понятий с позиции юриспруденции для их корректного использования в лингвистической экспертизе [2–4]. В издании 2004 года были выделены юридические понятия (термины), которые, по мнению авторов, наиболее важны при проведении лингвистических экспертиз. По большей части термины связаны с делами об унижении чести, достоинства и деловой репутации и разделены на 3 группы: «1. Объект воздействия – честь, достоинство, (моральный) престиж, репутация. 2. Характеристика процесса и средств воздействия – сведения, унижение (честь и достоинства), клевета, оскорбление, неприличная (форма), циничная (форма), нецензурные (выражения), порочащие (сведения). 3. Результат воздействия – моральный вред, нравственные страдания» [2, с. 33].

Все термины авторы анализировали в аспекте их понимания в праве, при этом содержание понятия выводилось как языковое значение, состоящее из сем, каждая из которых представляет собой правовое понятие: «Понятие оскорбления включает три семы: а) факт унижения или умаления чести или достоинства, б) неприличная форма такого унижения, в) умышленность. Понятие клеветы также включает три семы: а) факт

унижения чести и достоинства, б) ложность распространяемых сведений, в) умышленность» [там же, с. 43]. При этом сами авторы отмечают нечеткость правового (законодательного) определения практически всех выделенных ими ключевых терминов.

В предлагаемых в изданиях ГЛЭДИС формулировках вопросов к эксперту юридические понятия используются непоследовательно. Речевое деяние описывается в основном через определенные семантические компоненты, которые, по мнению авторов, в какой-то мере характеризуют эти речевые деяния. Например, по делам об оскорблении предлагается вопрос: «Имеется ли в высказываниях ___ (цитата) резкая, выраженная в грубой, циничной форме отрицательная оценка личности гражданина ___ (ФИО)?»; а по делам, связанным с противодействием экстремизму: «Имеются ли в текстах ___ (цитата) слова, выражения или высказывания, содержащие негативные оценки в адрес какой-либо одной национальной, конфессиональной или социальной группы по сравнению с другими социальными категориями?», «Имеются ли высказывания, иницирующие, требующие, предписывающие, побуждающие к осуществлению противоправных (экстремистских) действий (по отношению к лицам какой-либо социальной группы: по признакам пола, расы, национальной или конфессиональной принадлежности)?» [3, с. 59, 60]. Вместе с тем предлагаются и иные вопросы, содержащие юридические термины. Например, по делам об оскорблении в качестве типового предлагается вопрос: «Имеются ли в тексте фразы, направленные на унижение личного достоинства человека ___ (ФИО), высказанные в позорящей его, неприличной форме?»¹, а по делам, связанным с противодействием экстремизму: «Имеются ли высказывания, содержащие пропаганду неполноценности граждан какой-либо национальности или социальной группы по сравнению с другой нацией или группой?» При этом, несмотря на формулировки с использованием правовых понятий, авторы сообщают о недопустимости постановки вопросов о наличии в тексте «признаков возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды», «признаков унижения национального достоинства человека либо группы лиц» [4, с. 91].

Известный филолог А.Н. Баранов трактует правовые понятия в аспекте традиционных лингвистических категорий. Так, призыв рассматривается как речевой акт: «Призыв – это речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно-значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или воспринимаются в таком качестве, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации» [5, с. 420]. Аналогично рассматривается и угроза [6].

По мнению А.Н. Баранова и П.Б. Паршина, при отсутствии в тексте закона дефиниции того или иного понятия оно является лингвистически определяемым, при этом в ряде случаев оно определяется через его лексическое значение. Говоря о категории «пропаганда», ученые отмечают: «...“пропаганда”, будучи словом, используемым в законодательстве, тем не менее не имеет дефиниции в текстах законов и поэтому является категорией, лингвистически определяемой. Между тем лингвистическое определение основывается на интуитивном понимании лексемы *пропаганда* как слова современного русского языка» [7, с. 54]. В другой работе А.Н. Баранов и Л.А. Ерохина подтверждают эту мысль: «Значительная часть терминов, имеющих явно юридическое прочтение в текстах соответствующих документов, определений не имеет. В этих случаях естественно использовать данные русского литературного языка – авторитетные словари или результаты семантического анализа. Такие термины следует относить к лингвистически определяемым» [8, с. 312].

В зарубежных исследованиях по судебной лингвистике подобные понятия также рассматриваются в аспекте традиционных лингвистических категорий [9, 10].

Рассмотрение правового понятия, обозначающего речевое преступление, через лексическое значение предлагается и в работе экспертов-филологов Т.М. Изотовой и Д.И. Архаровой [11]. Авторы отмечают необходимость построения информационно-смыслового описания языкового значения слова-понятия путем выявления сем на основе анализа словарных толкований.

¹ Здесь и далее – курсив автора.

Существует и еще одна точка зрения на наполнение юридических терминов, обозначающих речевые преступления, согласно которой понятия, стоящие за этим термином, включают и лингвистические, и правовые компоненты. В таком аспекте правовые понятия рассмотрены в работах М.А. Осадчего, где предложен метод параметрического моделирования с целью описания понятия как семантической структуры на основе как лингвистических, так и правовых признаков. Например, в параметрической судебно-лингвистической модели информации порочащего характера присутствуют, с одной стороны, признаки, в определенной мере соотносящиеся с лингвистическими параметрами (тип сведений), с другой стороны – правовые признаки (вероятные последствия) [12, с. 63–64].

Подобное структурное описание правового понятия обнаруживается и в работе И.А. Стернина с соавторами, где речевые преступления описываются через набор диагностических признаков, включающих как лингвистические, так и правовые признаки. Например, в качестве лингвистических признаков оскорбления авторы предлагают следующий комплекс: «1) сообщение негативных сведений о лице или организации; 2) отнесенность негативных сведений к конкретному лицу или организации; 3) фактологический характер негативных сведений; 4) публичный характер распространения сведений; 5) порочащий характер данных сведений (то есть выраженное в языковой форме указание на нарушение конкретных моральных норм или законов); 6) информационный характер текста; 7) неприличная языковая форма сообщения негативной информации; 8) обобщенность негативной характеристики адресата; 9) наличие доказанного умысла на оскорбление, обусловленного неприязненными отношениями – устанавливается судом» [13, с. 23]. При этом авторы оговаривают, что эти признаки не предполагают наличие оскорбления как состава преступления: «Все выводы эксперта-лингвиста касаются языковых характеристик спорного текста (пп. 1–8) и предлагают доказательный материал для суда о наличии лингвистических признаков оскорбления, но не предполагают выводов о наличии оскорбления как состава преступления, поскольку лингвист не может установить факт наличия или отсутствия умысла (признак № 9). Для признания спорного текста наносящим оскорбление тому или

иному лицу необходимо наличие всех признаков оскорбления» [там же].

Обратимся к методическим изданиям ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, посвященным комплексной психолого-лингвистической экспертизе по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. В них правовые понятия рассматриваются с позиции традиционной криминалистической экспертной диагностики как «экстремистские» значения, представляющие собой диагностические комплексы, в составе которых выделяются лингвистические и психологические компоненты, выведенные в результате экспертологического анализа правовых понятий, предполагающего их операционализацию и использование его в формулировках экспертных задач. Объясняя использование правовых терминов, обозначающих «экстремистские» значения в формулировках экспертных задач, авторы методики проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, отмечают: «Законодатель описывает эти значения с помощью общеупотребительных слов и понятий, которые являются “родными” и для экспертов (лингвистов и психологов). В этой ситуации постоянно возникает и обсуждается вопрос о том, можно ли использовать эти понятия в формулировках экспертных задач и в выводах или же их нужно “переводить” на специальный экспертный язык и именно на этом языке формулировать вопросы и ответы. Однако сам язык специальных признаков достаточно сложен, как всякий метаязык, и еще недостаточно унифицирован. Совершенно очевидно, что нельзя требовать его знания от представителей судебно-следственных органов. Они должны иметь возможность формулировать вопросы на понятном и привычном им языке. Но при этом сами вопросы должны входить в компетенцию эксперта. Выходом из этой ситуации является формулирование вопросов с помощью понятия “специальные признаки”» [14, с. 24].

«Экстремистские» значения, о которых говорится в методических изданиях РФЦСЭ, по сути представляют собой так называемые экспертные понятия, теория которых разработана в судебной психологической экспертизе (СПЭ). Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о возможности применения экспертных понятий в теории и практике судебной лингвистиче-

ской экспертизы, остановимся на понимании этой категории в теории судебной экспертизы.

Экспертные понятия в теории судебной экспертизы

В теории судебной экспертизы термин «экспертное понятие» понимается двояко. С одной стороны, он рассматривается как категория языка судебной экспертизы – «учения о средствах и формах коммуникативной деятельности при производстве судебных экспертиз и информационных процессах» [15, с. 103]. По мнению Т.В. Аверьяновой, система экспертных понятий входит в центральную часть данного учения. С другой стороны, экспертные понятия рассматриваются как понятия, полученные в результате трансформации данных «материнских» наук в зависимости от юридического значения. Такое понимание характерно лишь для части родов (видов) судебной экспертизы, где имеет место опосредованная связь между базовой наукой и судебной экспертизой. Так, В.А. Полянская, основываясь на идеях Н.Т. Малаховской о непосредственной и опосредованной связи, характерной для системы родов и видов экспертиз, отмечает: «К непосредственным относятся связи между базовыми науками и судебными экспертизами. В отличие от экспертиз с опосредованными связями, производство экспертиз с непосредственными связями осуществляется на базе исключительно базовых (материнских) специальных знаний. В этих случаях нет специальных экспертных понятий, которые появляются в связи с потребностями экспертной практики. К таким относятся, например, бухгалтерская, товароведческая и др. экспертизы» [16].

В ряде экспертиз данный термин хотя и не используется, но категории, по сути представляющие собой экспертные понятия, в них имеются. Например, В.В. Козлов, говоря о понятии «телесное повреждение» применительно к судебно-медицинской экспертизе, пишет: «Оно должно быть свободно от юридических признаков, установление которых не входит в компетенцию судебно-медицинской экспертизы, и в то же время характеризоваться такими признаками, которые, не противореча медицинским понятиям и представлениям, находились бы в соответствии с требованиями закона и правовой практики» [17].

Как термин «экспертные понятия» впервые был введен в рамках теории ком-

плексной судебной психолого-психиатрической экспертизы А.Н. Лавриновичем и А.С. Голевым в конце 1980-х гг. [18]. В дальнейшем в СПЭ и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе была разработана теория экспертных понятий [19–21], составляющая теоретические основы данных родов экспертиз и судебно-психологической экспертологии.

По мнению М.М. Коченова, экспертные понятия представляют психологическое содержание отдельных правовых понятий, «описывающих поведение людей и его внутренние механизмы, фиксирующих временные психические состояния, изменения сознания под влиянием различных факторов»².

Ф.С. Сафуанов под экспертными понятиями понимает судебно-психологические понятия, занимающие «...промежуточное положение между общепсихологическими представлениями и юридическими терминами. Они не могут быть заимствованы в неизменном виде из теории психологии, поскольку связь СПЭ с общей психологией всегда опосредована: общепсихологические понятия не содержат никакой информации об их юридической значимости... <...> В то же время «экспертные» судебно-психологические понятия нельзя признать и полностью правовыми – они носят междисциплинарный характер» [22, с. 112, 113]. Подчеркивая такую важную особенность экспертных понятий, как юридическое значение, Ф.С. Сафуанов отмечает: «...юридическое (доказательственное) значение для суда имеют заключения экспертизы, определяющие не правовые нормы, имеющие психологическое содержание, с одной стороны, и не диагностируемые экспертом общепсихологические явления, с другой, а экспертные понятия, которые могут служить основанием для правового определения обстоятельств материально-правового характера» [23, с. 4].

Ученые выделяют ряд способов трансформации общепсихологических понятий в экспертные понятия. О.Д. Ситковская рассматривает следующие способы [21, с. 41, 43, 44].

– Введение «понятия-ограничителя», устанавливающего более узкий круг случаев использования понятия, чем тот, на кото-

² Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Москва, 1991. 44 с.

рый оно распространяется в общей психологии.

– Выделение из всего класса случаев, охватываемых соответствующими категориями общей психологии, более узкого круга, значимого для уголовно-правового регулирования. Например, из всего многообразия видов (модальностей) аффекта юридическую психологию интересуют аффекты гнева и страха.

– Ограничение круга изучаемых параметров психологического явления. Например, понятие «личность» в СПЭ обозначает феномен с гораздо более ограниченным набором исследуемых качеств, нежели в общей психологии.

– Углубление смысла понятий, поскольку значимыми оказываются те стороны предмета исследования, которые для общей психологии безразличны. Например, общепсихологические понятия «осознано-волевое поведение», «аффект» и другие имеют в виду актуальные состояния; для юридической же психологии характерным и специфическим является ретроспективная оценка состояний.

– Использование дихотомий. Например, способность к осознано-волевому поведению в уголовно-релевантной ситуации и неспособность к нему; понимание субъектом (потерпевшим) характера и значения действий, совершаемых в отношении него, и непонимание этого.

Выработка экспертного понятия предполагает проведение экспертологического анализа. В концепции построения предметного вида СПЭ Ф.С. Сафуанова выработка экспертного понятия, представляющего собой частный предмет указанного рода экспертизы, является одним из этапов разработки конкретного предметного вида экспертизы. При этом Ф.С. Сафуанов выделяет два варианта проведения такого анализа, зависящие от формулировки правовой нормы: «Эти правовые нормы... могут быть сформулированы на языке “профанного” дискурса, “житейских”, по терминологии Л.С. Выготского, понятий (например, как “нравственные страдания”, “заблуждение”, “привязанность ребенка к родителю” и т. п.), а могут представлять собой так называемые юридические критерии, которые, как правило, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные, обобщенные особенности как отражения окружающего мира, так и регуляции поведения» [24, с. 231]. Как от-

мечает ученый, при наличии юридического критерия экспертологический анализ предполагает трансформацию юридического критерия в критерий психологический, а при его отсутствии – экспертное понятие вырабатывается посредством сложного и опосредованного анализа.

В настоящее время экспертные понятия, используемые в СПЭ, стандартизированы³.

Экспертные понятия в судебной лингвистической экспертизе

Описанные положения теории экспертных понятий, разработанной в СПЭ, возможно экстраполировать и на судебную лингвистическую экспертизу, поскольку эти экспертизы объединяет зависимость экспертных задач от категории уголовного, гражданского, арбитражного или административного дела. Но прежде остановимся на сущности так называемых речевых преступлений.

Единого термина, которым можно было бы обозначить преступления такого рода, в настоящее время не существует.

Е.И. Галяшина в своих работах использует термины «правонарушение, совершаемое посредством речевых действий», «речевое действие, образующее состав правонарушения» [25, с. 99; 26, с. 8], при этом она отмечает, что данные термины следует различать: «Речевое действие, образующее состав правонарушения, отличается от объекта спора и источником доказательственной информации становится “речевой след” – продукт речевой деятельности, выраженной в форме устного высказывания, письменного или креолизованного (т. е. состоящего из вербальной и невербальной составляющей) текста» [25, с. 99–100]. А.В. Вандышева и Л.Б. Темникова используют схожий термин – «преступление, осуществляемое посредством продуктов речевой деятельности» [27].

Для обозначения указанных видов преступлений Е.В. Рылова использует термин «вербальное преступление», раскрывая его следующим образом: «речедеятельностный процесс, реализующийся в социальных / асоциальных ситуациях общения и посягающий на те или иные общественные отношения» [28, с. 24].

А.А. Лавицкий предлагает использовать термин «преступление, совершаемое вербальным способом», относя к нему «все

³ ГОСТ Р 57344-2016. «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения».

формы противозаконных деяний, предмет правовой оценки которых является текст. Текст в данном случае имеет самое широкое значение и включает различные виды семиотических кодов» [29, с. 307].

А.А. Гогин и О.Е. Репетова используют термин «вербальное преступление» наряду с термином «преступление, совершаемое вербальным путем». По их мнению, «особенность вербального правонарушения (преступления или поступка) состоит в том, что его предметом выступает произнесенное публично словесное высказывание или конкретная фраза, распространенная письменно или устно во времени и пространстве» [30, с. 6].

Если обратиться к особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), то в последней его редакции насчитывается порядка 15 % от всего объема статей этой части, содержащих такого рода преступления:

Речевое действие	Нормы УК РФ
Склонение	110.1; 230; 230.1
Угроза	110, 119, 120, 133, 150, 163, 221, 226, 229, 296
Принуждение	120, 179, 240, 302, 309, 333
Клевета	128.1
Понуждение	133
Отказ	140, 144.1, 145, 308
Вовлечение	150, 151, 151.2, 240
Вымогательство	163, 221, 226, 229
Призыв	205.2, 280, 280.1, 354
Оправдание (терроризма)	205.2
Пропаганда (терроризма)	205.2
Сообщение (об акте терроризма)	207
Возбуждение ненависти либо вражды	282
Унижение человеческого достоинства	282
Оскорбление	297, 319, 336
Провокация (взятки, подкупа)	304
Донос (о совершении преступления)	ч. 1 ст. 306
Обвинение (лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления)	ч. 2 ст. 306
Отрицание (фактов)	354.1
Одобрение (преступлений)	354.1

Перечисленные преступления, как и все другие преступления, содержащиеся в УК РФ, имеют свой состав, включающий субъекта, объект преступления, а также его объективную и субъективную стороны.

Ученые отмечают общую для речевых преступлений особенность, связанную с тем, что в основе объективной стороны состава преступления лежит речевое действие, текст: «...содержательная часть объективной стороны вербальных преступлений актуализирует способ совершения преступления в виде вербальных репрезентаций. Их можно признать средством достижения преступного результата. В других преступлениях вербальные репрезентации являются сопровождающими по отношению к главному деянию. В вербальных составах преступлений речевые действия становятся обязательными элементами, так как по характеру преступления становятся существенными для признания деяния общественно опасным» [28, с. 18]. «...Текст все шире используется как *corpus delicti* (от лат. – состав преступления, вещественные доказательства, основные улики), так как в нем содержатся признаки объективной стороны преступления, совершенного посредством слова» [25, с. 100].

Указанные речевые действия, являющиеся одним из признаков объективной стороны состава преступления, исходя из принятой в уголовном праве классификации действий относятся к действиям информационным или интеллектуальным. В свою очередь информационные действия «представляют собой такое общественно опасное поведение, которое состоит в передаче соответствующей информации другим лицам с помощью речи или конклюдентных действий, в том числе с использованием современных средств связи» [31, с. 127]. Опираясь на природу данных действий, они могут быть установлены путем применения специальных знаний из тех областей, объектом исследования которых являются речевая, коммуникативная деятельность, а также продукты такой деятельности, т. е. прежде всего путем применения специальных лингвистических и психологических знаний.

Как известно, специальные знания, применяемые в судебной лингвистической экспертизе, – это знания прежде всего в области лингвистической семантики и лингвистической прагматики, в рамках которых разработаны теории, описывающие речевые действия (теория речевых актов, теория речевых жанров, а также целеустановок). При этом, основываясь на принципах общей теории судебной экспертологии [32], специальные знания базовой науки

должны быть адаптированы для практики судебных экспертиз: «специальные знания судебного эксперта являются не прямым аналогом знаний базовой науки, а требуют определенной трансформации» [24, с. 230]. Так, несмотря на то, что часть речевых преступлений имеет прямое соответствие с речевыми актами (речевыми жанрами, целеустановками), хорошо описанными в лингвистических работах, заимствовать их в неизменном виде в экспертных целях невозможно, т. к. даже подробные лингвистические описания речевых действий «не содержат никакой информации об их юридической значимости, о том, какие правовые последствия могут проистекать из их диагностики» [22, с. 113]. Например, установление в высказывании угрозы не говорит о возможности правовой квалификации преступления в случае, если не выявлено то, чем именно угрожают, – что могло быть соотнесено с элементами состава преступления в соответствии с уголовным законодательством (например, угроза убийством). Если в экспертизе по делу о противодействии экстремизму и терроризму описывать призыв как речевой акт без учета понимания этой категории в праве, то будут охвачены не все случаи побуждения, реализуемого в тексте. Согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 09.02.2012⁴ под публичными призывами к терроризму «следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности», т. е. призыв в праве понимается как побуждение.

Приведенные и другие случаи использования лингвистических терминов без их адаптации в зависимости от юридического значения свидетельствуют о необходимости использования в судебной лингвистической экспертизе понятий, занимающих промежуточное положение между лингвистическими феноменами и юридическими терминами.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Исходя из положений теории экспертных понятий, разработанной в СПЭ, для выработки экспертных понятий необходимо проведение экспертологического анализа, в ходе которого требуется установить соотношение правовых понятий и стоящих за ними лингвистических феноменов. Применительно к судебной лингвистической экспертизе общим для всех речевых преступлений является описанное выше положение о том, что речевое действие, которое лежит в основе объективной стороны преступления, является по природе лингвистическим и именно оно устанавливается путем применения специальных лингвистических знаний. При этом лингвистическое наполнение этого речевого действия может быть шире, чем его понимание как составляющей объективной стороны преступления. Возможна и обратная ситуация. Экспертное понятие занимает промежуточное положение. Схематично соотношение правового и лингвистического понятий можно представить следующим образом (см. рис.).

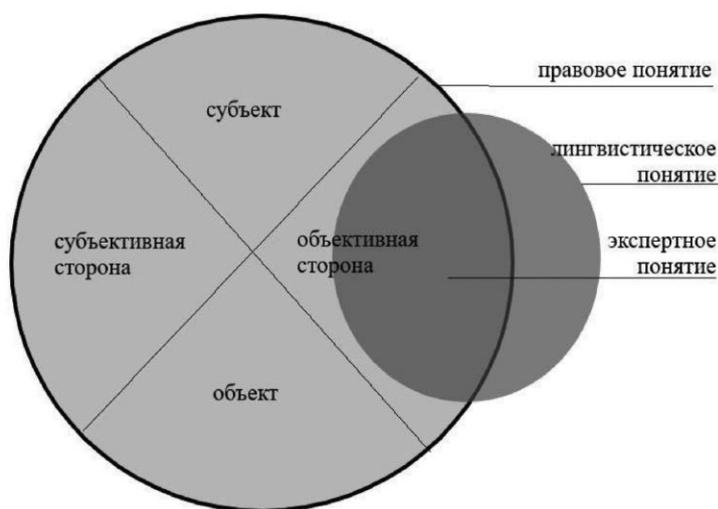


Рис. Соотношение правового и лингвистического понятий
Fig. The relationship between legal and linguistic concepts

При выработке экспертного понятия необходимо учитывать формулировку правовой нормы. Они могут быть сформулированы в лингвистических понятиях (например, «угроза», «призыв», «сообщение», «отрицание»), а могут быть сформулированы и без использования таких понятий (например, «склонение», «принуждение», «возбуждение ненависти либо вражды», «унижение человеческого достоинства»).

В случае формулировки правовой нормы в лингвистических понятиях эти нормы

представляют собой юридические критерии, которые в результате экспертологического анализа трансформируются в понятия экспертные. Так, для проведения лингвистической экспертизы по делу о вымогательстве (ст. 163 УК РФ) существенным является экспертологический анализ правового понятия «вымогательство». Исходя из диспозиции данной нормы под вымогательством понимается *требование* передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под *угрозой* применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под *угрозой* распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. Юридическими критериями в данном случае будут «требование (передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера)» и «угроза (применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких)». Они соотносимы с лингвистическими понятиями «требование» и «угроза», которые описаны в теории речевых актов, теории речевых жанров или как целеустановки. При этом они не содержат информации о юридическом значении, в связи с чем требуют трансформации. В данном случае трансформация предполагает введение «понятия-ограничителя» (в терминологии О.Д. Ситковской), определяемое юридическим критерием. «Понятие-ограничитель» затрагивает только часть семантической структуры «требования» и «угрозы», касающейся предметного содержания; целевой же компонент остается неизменным. В результате трансформации вырабатываются экспертные понятия «требование совершения действий, связанных с чужим имуществом» и «угроза применения насильственных, разрушительных действий, распространения негативной информации». Установление таких понятий имеет юридическое значение, в связи с чем будет учитываться как один из признаков объективной стороны состава преступления по ст. 163 УК РФ, в отличие, например, от выводов

эксперта, в которых говорится о наличии в высказываниях требования к совершению действий, не связанных с имуществом, и информации о негативных событиях в жизни адресата в будущем.

В случае формулировки нормы без использования лингвистического понятия, которое соотносится с юридическим критерием, выработка судебно-лингвистического экспертного понятия осложняется необходимостью опосредованного анализа. Представляется, что в таком случае на первом этапе анализа необходимо уяснение того, что понимает под этим правовым понятием законодатель, правоприменитель, т. е. определение правового содержания речевого действия. Такая информация может содержаться в диспозиции нормы, постановлениях пленумов, определениях ВС РФ и др. Далее выявленная информация о правовом содержании речевого действия соотносится с имеющимися в базовой науке лингвистическими понятиями, после чего выводится судебно-лингвистическое экспертное понятие.

В качестве примера рассмотрим экспертологический анализ понятия «оскорбление» применительно к статье 319 УК РФ. Правовое определение оскорбления содержится в статье 5.61 КоАП РФ – «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Такая же диспозиция оскорбления имелась в статье 130 УК РФ. До декриминализации этой статьи в ней содержалась общая норма об оскорблении; другие уголовные нормы об оскорблении (ст. 297, 319, 336 УК РФ) являлись специальными по отношению к общей норме, вследствие чего понимание оскорбления в соответствии со статьей 130 УК РФ распространялось и на специальные составы. Как показывает судебная и следственная практика, данное определение оскорбления и в настоящее время распространяется на указанные нормы уголовного права. Исходя из диспозиции для квалификации оскорбления существенны два признака: 1) унижение чести и достоинства другого лица, 2) неприличная форма выражения такого унижения.

Понятие «унижение» является не лингвистическим, а определяемым в правовом отношении. В настоящее время в юриспруденции под унижением чести и достоинства личности понимается отрицательная оценка личности, имеющая обобщенный характер: «Унижение чести и достоинства – это отри-

цательная оценка личности в обобщенном виде, направленная на ее дискредитацию, подрыв авторитета человека, как в глазах окружающих, так и в своих собственных»⁵. Из приведенного правового понимания видно, что данный термин трактуется через такие слова и словосочетания, как «отрицательная оценка личности», «дискредитация», «подрыв авторитета», которые, с одной стороны, говорят о возможности соотношения данного понятия с традиционной для лингвистики категории оценки, с другой – указывают на вид этой оценки – не просто негативная оценка, а оценка, направленная на дискредитацию, подрыв авторитета человека, т. е. статусная оценка. Соотношение правового понятия «унижение» и лингвистических понятий «негативная оценка» и «статусная оценка» позволяет выделить особый тип оценочного значения, для которого используется понятие «унизительная оценка лица» [33, с. 12–15]. Это понятие в данном случае является экспертным.

Второй компонент оскорбления в правовом понимании – неприличная форма выражения – в правовой науке понимается как «откровенно циничная, резко противоречащая нравственным нормам, правилам поведения в обществе форма унижительного обращения с человеком»⁶. Исходя из приведенного определения понятие «неприличная форма» в юриспруденции соотносится с нарушением определенных этических норм, при этом в данном случае имеет место некоторое ограничение, связанное с таким нарушением: «откровенно циничная, резко противоречащая нравственным нормам... форма унижительного обращения с человеком». То есть под неприличной фор-

мой понимается не любое нарушение этических норм, а только такое нарушение, которое имеет высокую степень проявления. С лингвистической точки зрения данное ограничение в квалификации неприличной формы связано с наличием в оскорбительном высказывании определенной лексики и фразеологии, которая в лингвистической литературе обозначена терминами: непристойная лексика, неприличная лексика, нецензурная лексика, матерная лексика, ненормативная лексика, сквернословие, обценная лексика и др. Соотношение правового понятия «неприличная форма» и приведенных лингвистических понятий позволяют выработать экспертное понятие «лингвистические признаки неприличной формы выражения». Понятие «лингвистические признаки» использовано как маркер экспертного понятия.

Выработанные экспертные понятия «унизительная оценка лица» и «лингвистические признаки неприличной формы выражения», будучи экспертными, обладают и юридическим значением, в связи с чем могут в совокупности учитываться как признаки объективной стороны состава преступления по ст. 319 УК РФ.

Заключение

Применение экспертных понятий в судебной лингвистической экспертизе представляется перспективным. На их основе возможно построение системы экспертных задач данного рода экспертизы, которая, с одной стороны, более четко очерчивала бы границы компетенции эксперта-лингвиста, с другой – в наибольшей степени отвечала бы потребностям судебно-следственных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галяшина Е.И. Судебные лингвистические экспертизы в контексте рекомендаций Пленума ВС РФ № 3 от 24.02.2005 г. / Спорные тексты СМИ и судебные иски. Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарий лингвистов / Под ред. М.В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005. С. 185–197.
2. Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медея, 2004. 328 с.

REFERENCES

1. Galyashina E.I. Forensic Linguistic Examinations within the Context of the Recommendations by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 of 24.02.2005. In: Gorbanevsky M.V. (ed). *Controversial Texts in Mass Media and the Lawsuits. Publications. Documents. Examinations. Commentaries of Linguists*. Moscow: Prestizh, 2005. P. 185–197. (In Russ.)
2. Simonov A.K., Gorbanevsky M.V. (eds). *The Concepts of Honor, Dignity and Business Reputation. Controversial Texts in Mass Media and the Issues of Their Analysis and Assessment by Lawyers and Linguists*. 2nd ed. / Moscow: Medeya, 2004. 328 p. (In Russ.)

3. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. М.В. Горбаневского. 2-е изд. испр. и доп. М.: Юридический Мир, 2006. 112 с.
4. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. М.: ИПК «Информкнига», 2010. 208 с.
5. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теория и практика. Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
6. Баранов А.Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 139–147.
7. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 2. С. 53–65. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-53-65>
8. Баранов А.Н., Ерохина Л.А. Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены / Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы VI Межд. конгресса исследователей русского языка (Москва, 20–23 марта 2019 г.) / Под ред. М.Л. Ремнёвой и О.В. Кукушкиной. М.: МГУ, 2019. С. 312–313. http://rlc2019.philol.msu.ru/docs/Trudy-i-materialy_RLC2019.pdf
9. Stokoe E., Edwards D. 'Black This, Black That': Racial Insults and Reported Speech in Neighbour Complaints and Police Interrogations // *Discourse & Society*. 2003. Vol. 18. No. 3. P. 337–372. <https://doi.org/10.1177/0957926507075477>
10. Olsson J. *Forensic Linguistics: An Introduction to Language, Crime and the Law*. 2nd ed. London: Continuum, 2008. 265 p.
11. Архарова Д.И., Изотова Т.М. К вопросу о лингвистической методике построения дефиниций юридических понятий // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4 (12). С. 189–193.
12. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Либроком, 2016. 256 с.
13. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы. Справочное пособие. Ярославль: Канцлер, 2013. 80 с.
14. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: РФЦСЭ, 2014. 96 с.
15. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006. 480 с.
3. Gorbanevsky M.V. (ed). *How to Conduct a Linguistic Expertise of a Disputed Text? Booklet for Judges, Lawyers, Mass Media, Advocates, Prosecutors, Investigators, Inquiry Officers and Experts*. 2nd ed. Moscow: Yuridicheskii Mir, 2006. 112 p. (In Russ.)
4. Bel'chikov Yu.A., Gorbanevskii M.V., Zharkov I.V. *Methodological Recommendations on the Issues of Linguistic Expertise of Disputed Texts of Mass Media. Collection of Materials*. Moscow: IPK "Informkniga", 2010. 208 p. (In Russ.)
5. Baranov A.N. *Linguistic Expertise of a Text. Theory and Practice. Textbook*. Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 592 p. (In Russ.)
6. Baranov A.N. Phenomenon of Threat in Linguistic Theory and Forensic Practice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 4 (36). P. 139–147. (In Russ.)
7. Baranov A.N., Parshin P.B. Propaganda as a Category in Forensic Text Analysis. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No. 2. P. 53–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-53-65>
8. Baranov A.N., Erokhina L.A. Insult and Humiliation as Linguistic and Juridical Phenomena. In: Remneva M.L., Kukushkina O.V. (eds). "Russian Language: Its Historical Destiny and Present State". *The International Congress of the Russian Language Researchers* (Moscow, 20–23 March, 2019). Moscow: Moscow State University, 2019. P. 312–313. (In Russ.). http://rlc2019.philol.msu.ru/docs/Trudy-i-materialy_RLC2019.pdf
9. Stokoe E., Edwards D. 'Black This, Black That': Racial Insults and Reported Speech in Neighbour Complaints and Police Interrogations // *Discourse & Society*. 2003. Vol. 18. No. 3. P. 337–372.
10. Olsson J. *Forensic Linguistics: An Introduction to Language, Crime and the Law*. 2nd ed. London: Continuum, 2008. 265 p.
11. Arkharova D.I., Izotova T.M. On the Question of Linguistic Methodology for Constructing a Definition of Legal Concepts. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2008. No. 4 (12). P. 189–193. (In Russ.)
12. Osadchiy M.A. *The Russian Language on the Edge of Law: Functioning of the Contemporary Russian Language under Legal Regulation of Speech*. Moscow: Librokom, 2016. 256 p. (In Russ.)
13. Sternin I.A., Antonova L.G., Karpov D.L., Shamanova M.V. *The Basic Concepts of Forensic Linguistic Expertise. Handbook*. Yaroslavl': Kantsler, 2013. 80 p. (In Russ.)
14. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *The Methodology for Conduct of Forensic Psychological and Linguistic Expertise of the Materials in Cases Concerning Countering Extremism and Terrorism*. Moscow: RFCFS, 2014. 96 p. (In Russ.)
15. Aver'yanova T.V. *Forensic Expertise. Course of General Theory*. Moscow: Norma, 2006. 480 p. (In Russ.)

16. Полянская В.А. Трансформация данных «материнских» наук в специальные экспертные понятия / Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Калуга, 26–29 мая 2010 г.). Калуга: Калужский гос. пед. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2010. С. 247–250.
17. Козлов В.В. Понятие «телесное повреждение» в судебной медицине / Ученые записки. Вып. 16. Вопросы уголовного и исправительно-трудового права, уголовного процесса и криминалистики. Саратов: Саратовский юрид. ин-т им. Д.И. Курского, 1969. С. 253–264.
18. Лавринович А.Н., Голев А.С. Экспертные понятия в практике судебной психолого-психиатрической экспертизы / Юридическая психология. Тезисы доклада к VII съезду Общества психологов СССР / Под ред. Г.В. Хитрова. М.: Акад. наук СССР, 1989. С. 43–44.
19. Дозорцева Е.Г. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого / Медицинская и судебная психология. Курс лекций. Учеб. пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2005. С. 480–506.
20. Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого. Пособие для врачей / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Е.В. Макушкина. М.: ФГБУ ГНЦССП им. В.П. Сербского Минздравсоцразвития России, 2004. 44 с.
21. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности / Науч. ред. Г.М. Миньковский. М.: Норма, 1998. 285 с.
22. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
23. Сафуанов Ф.С. Актуальные теоретические и методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы // Психология и право. 2011. Т. 1. № 2. <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40889.shtml>
24. Сафуанов Ф.С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 220–239. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118>
25. Галяшина Е.И. Судебное речеведение. Учебник. М.: Норма, 2020. 320 с.
26. Галяшина Е.И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве: насущные потребности, проблемы и пути их решения // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 4. С. 6–18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-4-6-18>
27. Вандышева А.В., Темникова Л.Б. Судебная лингвистическая экспертиза: проблема корреляции формулировок законодательных норм и соответствующих им лингвистических терминов / Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 4. С. 19–28. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-4-19-28>
16. Polyanskaya V.A. The Transformation of “Maternal” Sciences’ Data into Specialized Expert Terms. In: “Current State and Perspectives of Development for Forensic Psychology in the Russian Federation”. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Involvement. (Kaluga, 26–29 May, 2010). Kaluga: Kaluga State Pedagogical University named after K.E. Tsiolkovsky, 2010. P. 247–250. (In Russ.)
17. Kozlov V.V. The Term “Bodily Harm” in Forensic Medicine. In: *Scientist’s Notes. Issue 16. The Issues of Criminal and Corrective-Labor Law, Criminal Proceedings and Forensics*. Saratov: Saratov Law Inst. Named after D.I. Kurskiy, 1969. P. 253–264. (In Russ.)
18. Lavrinovich A.N., Golev A.S. Expert Terms in the Practice of Forensic Psychological and Psychiatric Expertise. In: Khitrov G.V. (ed). *Legal Psychology. Abstracts of the Paper to the 7th Convention of Society of Psychologists of the USSR*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1989. P. 43–44. (In Russ.)
19. Dozortseva E.G. Integrated Forensic Psychological and Psychiatric Evaluation of a Juvenile Indictee. In: Dmitrieva T.B., Safuanov F.S. (eds). *Medical and Forensic Psychology. Course of Lectures. Textbook*. Moscow: Genezis, 2005. P. 480–506. (In Russ.)
20. Dmitrieva T.B., Makushkin E.V. (eds). *Forensic Psychological Expert Diagnostic Criteria for an Indictee’s Heat of Passion. Textbook for Doctors*. Moscow: FGBU GNTsSSP im. V.P. Serbskogo Minzdravsotsrazvitiya Rossii, 2004. 44 p. (In Russ.)
21. Sitkovskaya O.D. *The Psychology of Criminal Liability* / G.M. Min’kovskii (ed). Moscow: Norma, 1998. 285 p. (In Russ.)
22. Safuanov F.S. *Forensic Psychological Expertise. Textbook for Academic Undergraduate Students*. Moscow: Yurait, 2014. 421 p. (In Russ.)
23. Safuanov F.S. Topical Theoretical and Methodological Issues of Complex Psychological and Psychiatry Inquiry. *Psychology and Law*, 2011. Vol. 1. No. 2. (In Russ.). <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40889.shtml>
24. Safuanov F.S. How to Build Substantive Judicial-Psychological Examination. *Psychology and Law*. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 220–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118>
25. Galyashina E.I. *Forensic Speech Studies. Textbook*. Moscow: Norma, 2020. 320 p. (In Russ.)
26. Galyashina E.I. Speech Analysis in Legal Proceedings: Urgent Needs, Problems and Ways to Solve Them. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 4. P. 6–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-4-6-18>
27. Vandysheva A.V., Temnikova L.B. Forensic Linguistic Expertise: Issue of Correlation between the Wording of Legislative Norms and the Corresponding Linguistic Terms and

- стических терминов и понятий // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2018. № 4. С. 100–107.
28. Рылова Е.В. Категории вербальных преступлений в УК РФ // Юрислингвистика. 2014. № 3 (14). С. 10–25.
29. Лавицкий А.А. Русскоязычный правовой дискурс: правонарушение, совершаемое вербальным способом // Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 300–314. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314>
30. Гогин А.А., Репетова О.Е. Вербальные правонарушения: понятие, сущность, виды. Электронное учебное пособие. Тольятти: ТГУ, 2017. 98 с.
31. Российское уголовное право. Учебник в 2-х т. Т. 1: Общая часть. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 526 с.
32. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Учеб. пособие / Отв. ред. Б.А. Викторов. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. 183 с.
33. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. М.: РФЦСЭ, 2016. 90 с.
- Concepts. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. 2018. No. 4. P. 100–107. (In Russ.)
28. Rylova E.V. The Categories of Verbal Crimes in the Criminal Code of the Russian Federation. *Yurilingvistika*. 2014. No. 3 (14). P. 10–25. (In Russ.)
29. Lavitski A.A. The Russian Language Legal Discourse: Offences Committed Verbally. *Russian Language Studies*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 300–314. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314>
30. Gogin A.A., Repetova O.E. *Verbal Offenses: Definition, Nature, Types: e-Textbook*. Tol'yatti: TGU, 2017. 98 p. (In Russ.)
31. Inogamovf-Khegai L.V., Komissarov V.S., Rarog A.I. (eds). *The Russian Criminal Law. Textbook: in two Volumes. Vol. 1: General Part*. 3rd ed. Moscow: Prospekt, 2010. 526 p. (In Russ.)
32. Vinberg A.I., Malakhovskaya N.T. *Forensic Expertology (General Theoretical and Methodological Issues of Forensic Examinations)*. Handbook / B.A. Viktorov (ed.). Volgograd: VSSH MVD SSSR, 1979. 183 p. (In Russ.)
33. Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. *Forensic Linguistic Expertise in Cases on Insult*. Moscow: RFCFS, 2016. 90 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Виталий Олегович – к. филол. н., заведующий лабораторией судебной лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Vitaly Olegovich – Candidate of Philology, Head of the Laboratory of Forensics Linguistics of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

Статья поступила: 13.01.2020

После доработки: 25.01.2020

Принята к печати: 20.02.2020

Received: January 13, 2020

Revised: January 25, 2020

Accepted: February 20, 2020